

СОЦИАЛЬНАЯ ЛЕСТНИЦА ТИПОВ М. ГОРЬКОГО.

(К выходу нового полного собрания сочинений М. Горького в издании ГИЗ'а).

Богатая впечатлениями жизнь, знакомство с тысячами людей, исключительная способность наблюдать жизнь во всех ее проявлениях и умение проникать во внутренний мир своих героев дали М. Горькому возможность отразить в своих произведениях самые разнообразные общественные прослойки дореволюционной России. Государство, только еще начинавшее превращаться из земледельческо-крепостнического в промышленно-буржуазное, давало много материала для такого бытописателя, как Горький, который сам вырос на стыке двух эпох и донес свой редкий талант до третьей,—эпохи социалистического строительства. Он наблюдал людей от самых низов до верхушки, и для всех представителей каждой человеческой прослойки у него нашлись и свои слова, и свои краски. И вот перед нами художественная галерея (незабываемых) типов, стоящих на различных ступенях социальной лестницы, но одинаково интересных, каждый по своему. По произведениям Горького наша молодежь может понять всю царскую Россию, а те, кто хорошо помнит ее, прочтя Горького, лишней раз помянут ее недобрым словом.

Самой первой ступенью человеческой лестницы, а вернее, просто подножием ее, являются знаменитые «горьковские босяки», с которыми он вышел на литературную дорогу. Целый ряд рассказов и очерков раннего периода творчества Горького посвящен им, но особенно густо насыщены их психологией такие произведения, как очерк «Бывшие люди». (Том II полн. собр. соч. М. Горького, 1928 г. ГИЗ) и известная пьеса «На дне» (том XIV), где в лице босяков: Тяпы, Сатина, Клеща, барона и актера, свалившихся с верхних ступеней социальной лестницы, мы видим яркие типы люмпенпролетариата, отбросы капиталистического общества, его отработанный и выжатый до последней возможности рабочий материал, обреченный на свалку человеческого мусора.

Одной только ступенью выше их стоят такие деклассированные люди, как герои очерков «Челкаш» (т. I), «Васька Красный» (т. III), «Проходимец» (т. II) и др., изуродованные «культурой», озлобленные врачи жизни, живущие только сегодняшним днем, но уже завтрашние кандидаты почлежки мещанина Костылева или «ротмистра» Кувалды». На них уже с видом некоторого превосходства должны поглядывать такие «обладатели» орудий производства, как кустари-ремесленники из Заречья в «Городке Окурове» (Воргородской губ. (т. VIII); а еще выше обитатели, «аристократической», части Окурова—мещане; но и из них не все остаются на всю жизнь в этой затхлой уездной труппе. Наиболее сметливые постигают тайну первоначального накопления, уходят из Окурова и становятся богатыми, скупающими земли, леса, дома, а потом превращаются в Маякиных («Фома Гордеев» (т. IV) или Артамоновых («Дело Артамоновых», т. XIX). Они отшлифовываются, «просвещаются», узнают силу своего капитала и потем гордо говорят: «купец в государстве—первая сила, потому что с ним—миллионы».

Много своего внимания Горький уделял стоявшей на верхних ступенях российской интеллигенции. Его «Мещане», «Дачники», «Дети солнца» (т. XIV) и «Барвары» красочно ри-

суют эту многоречивую, но не деятельную прослойку русского общества, со всеми ее сомнениями и нерешительностью, дряблостью и оторванностью от масс.

И когда интеллигенция увидела себя в зеркале горьковского творчества она обиженно отвернулась от него, объявила его исписавшимся и прекрела преждевременную литературную старость тому, кто теперь справляет свой 35-летний писательский юбилей. Роман «Жизнь Клима Самгина» (т. XX)—это история русской интеллигенции, которая, любящая собой, просматривала рост пролетариата, не поняла его в большинстве своем и оказалась за бортом жизни.

Но вот перед нами представители многомиллионной массы крестьянства, которую царское правительство держало в темноте, чтобы она не проснулась, держала забитой, чтобы она всего и всех боялась, и потому деревня сама по себе оставалась беспомощной. Но город будит деревню и сама она прогрессивно беднея, выбрасывая свою бедноту в город, на фоне которого особенно ярко выделяется мелкобуржуазная психология крестьянства. Землероб Гаврилла («Челкаш») дрожит под лучом прожектора, разыскивающего контрабандистов, но не останавливается перед попыткой убить Челкаша с целью грабежа, чтобы поправить свое хозяйство. Мужики из «Мальвы» (т. II) даже на море смотрят со своей, крестьянской, точки зрения: «Ежели бы это вся земля была да чернозем бы, да распахать бы!».

Город подчиняет своему влиянию этих выходцев из деревни, и они, ступая на фабрики и заводы, становятся полукрестьянами, полурабочими, потому что не порывают еще совсем со своей крестьянской складкой ума, но и не остаются уже глухи и чужды интересам рабочего класса. Таков Левшин («Враги», т. XV) и Рыбин («Мать», т. VII). Эти переходные типы особенно любовно описаны Горьким, который сам пережил мучительный период перехода от народничества к социал-демократии.

И, наконец, еще ступень лестницы типов. Это—рабочие. Если в пьесе «Мещане» Горьким выведен рабочий Илл., как отвлеченная, неживая идея, то уже в «Мордовке» рисуется активный участник движения рабочий Малков. Правда, он показан на фоне личных, а не общественных переживаний, но чувствуется, что это борец. В пьесе «Враги» можно уже наблюдать борьбу классов, на что в свое время обратил свое внимание и Плеханов, считавший эту пьесу замечательным художественным произведением. Но наиболее ценным является роман Горького «Мать», где в лице Павла Власова автор дал тип революционера-борца; сюжетом для романа послужили подлинные события в Сормовском заводе в 1905 г., закончившиеся известным процессом в суде, где рабочий Замонов сказал историческую речь. В романе «Мать» Власов также выступил с речью в суде, но она значительно индивидуализирована автором, и многим отличается от речи Замонова.

Октябрьская революция дала Горькому массу материала, но он не облачен еще в художественную форму и кроме заметок из дневника (т. XVII) и рассказов 1922—24 г. (т. XVIII), мы пока ничего не имеем, но уверены, что советский читатель еще прочтет о великих событиях Октября в достойном их художественном произведении М. Горького.

Ал. Створский.